

защитники завели пустой спор, выступать ли ответчику в плаще или в тоге; а он, словно похваляясь своим беспристрастием, приказал ему все время менять платье, глядя по тому, обвинитель говорит или защитник. Говорят, что по одному делу он заявил, и даже письменно: „Я поддерживаю тех, кто говорил правду“. Во время смотра всадников он отпустил без порицания одного юношу, запятнанного всеми пороками, так как отец его уверял, что сыном он совершенно доволен; „у него есть свой цензор“, — сказал он. Всем этим он настолько подорвал к себе уважение, что к нему сплошь и рядом стали относиться с открытым презрением». За что, спрашивается? На редкость разумное поведение. Но с другой стороны, что-то, видимо, такое было, что все как-то его странно воспринимали.

А вы помните, как говорит Михаил Сергеевич Горбачев? Ой. Как-то у него одновременно получалось длинно, бюрократическим языком — «Наладим новые экономические отношения — и продукты появятся, и удовлетворение у крестьян. Мы услышали приговор народа на XIX партконференции — никто не может его игнорировать» — и при этом напевно.

Восходящая интонация — нисходящая, туда-сюда, он словно покачивался в волнах канцелярита. Кстати, многие не понимали, что он делал, а некоторые и теперь не понимают, и даже есть вопрос, понимал ли он сам, чего творил и зачем.

Есть такое понятие — пути исторического развития. Что такое путь нормального исторического развития, это вопрос дискутируемый, зато ощущение ненормального опознается легко, приходит легко и к большому количеству людей. Просто вдруг много людей начинают ощущать, что чего-то, вообще говоря, не то, даже очень сильно не то, что развитие пошло не по той дороге. Ну, вы все знаете это чувство, сейчас как раз, например, такая ситуация.

Так вот, и возникает мнение, что возвращение к нормальному пути уже просто так невозможно, что, пытаясь вернуться к нормальной жизни, мы как-то очень больно хлопнемся о землю. Тут возникают две стратегии — одни говорят, что надо уж скорее хлопаться, потому что дальше будет еще хуже и больнее, а другие говорят, что лучше жить в ненормальной ситуации, чем разбиваться насмерть о нормальную дорогу. Но все при этом чувствуют тревогу. В общем-то привычно считается, что возвращение к нормальности возможно только через взрыв, революцию, катаклизм и прочие шурум-бурумы. И действительно в истории это часто случается. И даже у многих сейчас такое ощущение, что скоро опять случится. Но мне кажется, нам сейчас очень полезно обратить внимание на такие случаи в истории, когда это возвращение прошло более или менее безболезненно, без большого кровопролития. Как бы шли не туда, а потом вернулись. И вот, кстати, опять же император Клавдий. Он получил власть случайно, после убийства Гая Калигулы. Это был буйно помешанный юноша, патологически жестокий, он проверял границы человеческого облика путем их пересечения, отделял себя от людей чудовищной жестокостью, извращениями и производом. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись» —

этот лозунг он оставил в наследство всем будущим первым лицам, и они, кстати, время от времени им пользуются, обнаруживая в себе неприязнь к бандерлогам. То есть там, в Риме, при Калигуле, была на редкость ненормальная ситуация. А Клавдий как-то так повернул дело, что в общем-то на время все у них обошлось. Акведуки строил, повысил собираемость налогов, ввел три новых буквы в алфавит — ну, словом, наладилось. Конечно, над ним все смеялись, у него очень не складывалось с женами, бабы его просто замучили. Элия у него была такая сварливая, что пришлось разводиться из-за ее дурацких бытовых придирок, Мессалина вошла в историю как ужасная развратница, а он, пока она ему изменяла, занимался наукой — но это все какие-то домашние, нормальные дела по сравнению с тем, что творилось при Калигуле. И даже кажется, что он

ВАЛЕРИЙ МЕЛЬНИКОВ

КРЕАТИВНАЯ
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ
ТРОЛЛИТ СТИХАМИ:
ПОЭЗИЯ — ЭТО ЕЕ
РОДОВОЕ ДОСТОЯНИЕ,
А ГОСУДАРСТВО ТАК НЕ
МОЖЕТ. ГОСУДАРСТВО
ТРОЛЛИТ ЗАКОНАМИ,
И ДАЖЕ НЕ ЗНАЕШЬ —
МОЖЕТ, ЭТО ВСЕ ЖЕ
ЛУЧШЕ, ЧЕМ ЕСЛИ БЫ
ОНО ПИСАЛО СТИХИ

сознательно разыгрывал эдакого придурковатого простофилю, чтобы вызвать к себе человеческие чувства. «Пусть смеются, лишь бы не резали друг друга».

Никита Сергеевич Хрущев принял страну после товарища Сталина. Вообще-то этот момент — там еще дело врачей — просто апогей ненормального развития. Все же в стране, где половина активного населения безвинно уничтожена или загнана в лагерь, а вторая как раз ее расстреливала и загоняла, возвращение к нормальности без большой крови — это уникальный случай в истории. Понятно, что полностью вернуться не удалось, все это вышло половинчато — но градус макабричности заметно снизился. И вот если бы он не проявлял бешеной энергии в странных мероприятиях, ну вроде кукурузы или борьбы с абстракционизмом, не увлекал всех непонятно куда, уда-

лось бы пройти этот исторический этап так бескровно? Новочеркасск, конечно, ужасен — но это не Гражданская война. Волюнтарист — то есть непонятно, какая вождя под хвост попадет, — так ведь задурил всем головы этим волюнтаризмом, и проскочили.

Про Горбачева даже говорить нечего — величайший из ныне живущих политиков. То, что нам удалось выйти из советской власти без третьей мировой войны с применением ядерного оружия, — это первостатейное чудо. А интересно, могло ли это произойти в какой-то другой конфигурации, чем «Сусанин, куда ты нас завел?» — „Пошли на фиг, я сам заблудился“? То есть интересно, но не настолько, чтобы хотелось попробовать.

Я к чему это все? Мне кажется, тут можно вывести своеобразный исторический закон.

Возвращение к нормальности без большого бума, как мне кажется, сопровождается появлением правителя, который как бы немного мерцает. Как бы с одной стороны посмотреть, так он дурак, выживший из ума, а с другой — нет, умный очень человек. Это, конечно, нужно проверять еще на других примерах, это гипотеза, но что-то в этом же есть. Вот возьмите Пиночета, не раннего, когда он как раз был очень ясным и понятным извергом, а позднее, когда он вдруг решил вернуться на нормальный путь развития. Так там же был суд, который признал, что он страдает слабоумием. И он же действительно страдал.

Тут, кстати, вот пресс-секретарь премьер-министра передала его просьбу к блогерам прекратить называть его «Димонем». Я думаю, это все же была его просьба, потому что ей самой в голову такая история прийти не могла бы — она же прекрасный пиарщик и знает, как это воспринимается. Но если он сам попросил, то что ж тут поделаешь. А несколько неожиданная просьба, какая-то чересчур человечная. Нет, ну действительно обидно, что ж это, «Димон».

Меня вот в детстве звали во дворе «Грицан», я расстраивался, помню. Но так, чтобы это настолько задевало премьер-министра... Это немного в стиле Клавдия, он бы тоже мог попенять сенаторам, что они за глаза зовут Клавой. А он как раз попросил больше его так не называть, когда очень тоже странно выступил по Кипру, сказал, что там «продолжают грабить награбленное». То есть по смыслу он, конечно, правильно охарактеризовал текущий момент, но так прямо назвать все, что наши вывезли на Кипр и там спрятали в банках, «награбленным», это для премьер-министра несколько ... ну простодушно, что ли. Могла быть такая история, что ему кто-то сказал: «Ну ты, Димон, ваще...» А он и расстроился.

Я к тому, что принято сомневаться в том, что Дмитрий Анатольевич может выступить в роли преемника, потому что он как бы немного такой ... ну своеобразный. И он пока президентом был, то часто говорили, что же это такое, ей-богу, какие-то осьминоги с картофельным пюре. А теперь, когда он премьер-министр, еще даже больше говорят. Не верят в потенциал в силу личной специфики. А я хочу сказать — заблуждаетесь вы, граждане.

Именно в этой его... ну необычности самый потенциал-то и есть. Чего вы все — революция, революция. Может, еще проскочим.